

ментаріемъ ко всѣмъ чертамъ его содержанія. Второй трактатъ: „новѣйшій скептицизмъ въ отношеніи къ тексту Слова“, говоритъ о новѣйшихъ теоріяхъ, которыя для объясненія памятника находили нужнымъ предположить въ немъ существованіе постороннихъ вставокъ или пропусковъ и т. п.; начинателемъ этихъ теорій былъ въ особенности г. Потебня, за которымъ послѣдовали и другіе. Наконецъ третій обширный трактатъ посвященъ палеографической критикѣ „Слова“, причемъ г. Барсовъ пересматриваетъ всѣ тѣ мѣста памятника, которыя представляются испорченными или недостаточно ясными и которымъ онъ даетъ свое толкованіе, приводя потомъ всѣ другія, сдѣланныя до сихъ поръ, гипотезы для ихъ объясненія. Въ настоящемъ изданіи недостаетъ еще подробной лексикологіи „Слова“, на которую авторъ уже дѣлаетъ ссылки въ палеографической критикѣ памятника.

Таково содержаніе книги г. Барсова. Этотъ трудъ исполняется имъ съ такою любовью, какую рѣдко можно встрѣтить у самыхъ ревностныхъ любителей нашей старины; авторъ не только цѣнитъ въ „Словѣ“ замѣчательный остатокъ нашей древности,—онъ восторгается имъ такъ, какъ могъ бы восторгаться читатель какимъ-нибудь вышеуказаннымъ произведеніемъ современнаго искусства, въ которомъ находилъ бы выраженными свои самыя душевныя мысли и идеалы; отношеніе г. Барсова къ древнему памятнику можно бы сравнить развѣ съ преклоненіемъ англичанина передъ Шекспиромъ, нѣмца передъ Гёте или француза передъ Викторомъ Гюго. Приступая во второй части своего изслѣдованія къ изложенію „Слова“, авторъ говоритъ, напримѣръ: „сдѣлать это тѣмъ необходимѣе, что „Слово“ слишкомъ глубоко по своему смыслу и въ высшей степени художественно по своей образности. Это то же, что живописная картина гениальнаго художника: чѣмъ больше ее изучаешь, тѣмъ больше ею плѣняешься“. По его мнѣнію, гдѣ является недостатокъ пониманія, тамъ недостаетъ только должнаго изученія. Всѣ существующіе переводы, по мнѣнію г. Барсова, крайне безцвѣтны, всѣ комментаріи безхарактерны; такимъ образомъ памятникъ, составляющій „гениальное и глубокое творческое произведеніе кievской Руси“, остается въ сущности до сихъ поръ мало понятымъ, и главною причиною этого непониманія было, по мнѣнію автора, то, что до сихъ поръ не умѣли, какъ должно, уразумѣть его цѣльнаго художественнаго смысла. Правда, въ той формѣ, въ какой онъ дошелъ до насъ, есть отдѣльныя мѣста испорченныя, но успѣхи филологіи и палеографіи все больше помогаютъ разяснять эти темныя мѣста, и нужны только еще большія усилія критики, чтобы достигнуть возможно полнаго уразумѣнія памятника.